

На правах рукописи

Садыков Петр Дмитриевич

**Богословские идеи в древнерусских сказаниях о богородичных
иконах (особенности художественного выражения)**

5.11.3. Практическая теология

(по исследовательскому направлению: православие)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата теологии

Москва, 2024

Работа выполнена в Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Сретенская духовная академия Русской Православной Церкви»

Научный руководитель:

Маршева Лариса Ивановна

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой древних и новых языков Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Сретенская духовная академия Русской Православной Церкви»

Официальные оппоненты:

Трофимова Нина Владимировна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской классической литературы Института филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Коренева Юлия Викторовна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения»

Ведущая организация

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Защита состоится 10 марта 2025 г., в 11:00, на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.096.03 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия», Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Московская духовная академия Русской Православной Церкви» по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1 и на сайте: https://doctorantura.ru/images/dissovet/2024/Sadykov/Sadykov_thesis.pdf.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 99.2.096.03
кандидат филологических наук

Первушин М. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Литература Древней Руси продолжает вызывать большой интерес в научной среде. Важной частью письменного наследия данного периода выступает агиографический корпус, включающий не только житийные произведения, но и разного рода сказания, в том числе о чудотворных иконах Божией Матери. Последние до настоящего времени остаются малоизученными.

Существующие исследования, как правило, затрагивают филологическую или историческую проблематику обозначенных источников, не освещая в полном объеме их богословское содержание.

Таким образом, можно говорить об ощутимой необходимости для теологической науки работ, которые представляли бы собой разностороннюю характеристику одной из категорий произведений древнерусской литературы – богородичных сказаний.

При этом изучаемая группа литературных памятников Древней Руси, ввиду своего разнообразия и обширности, продолжает требовать дальнейшего изучения в целом, что подразумевает решение большого числа вопросов, носящих в том числе теоретический характер (например, разработка понятийно-терминологического аппарата, характеризующего данный жанр; систематизация и выделение наиболее распространенных мотивов и т.д.).

Расцвет данного жанра, его развитие и тенденции к диффузности на Руси приходится на вторую половину XV – начало XVII столетий (прежде всего XVI век¹). Именно тогда появляются обобщенные повествования на основе уже существовавших произведений, а также внушительное число новых сказаний о чудотворных иконах Божией Матери, которые содержали богословскую, духовно-нравственную проблематику, свидетельствовали о живой, искренней религиозности русского народа, его насыщенной

¹ Журова Л. И. Сказания о чудотворных иконах в структуре Лицевого летописного свода // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. P. 181.

богослужебной жизни и сообразно жанру отражали разные социокультурные реалии². К тому же данный период интересен по причине наметившихся мировоззренческих, духовно-нравственных изменений, которые не могли не сказаться и на литературных произведениях.

В рамках настоящего диссертационного исследования рассматривается лишь несколько богородичных сказаний, в которых, как представляется, наиболее ярко обнаруживаются набор мотивов, типичных для этих произведений, разнообразие символов и образов, имеющих христианские корни, отсылки к Священному Писанию, и, конечно, непосредственно богословская проблематика. Последняя весьма разнообразна: стремление к евангельскому идеалу, осмысление страданий и испытаний, осознание пагубности греха и его преодоление, Божественный Промысл, чудеса в жизни человека и др.

Надо особо оговорить, что два изучаемых сказания принадлежат к группе явления икон – о Казанской и Святогорских, три (о Колочской, Оковецкой и Выдропусской) находятся, и это принципиально важно, на границе с жанром бытовой повести и довольно ярко отображают в первую очередь особенности времени, вскрывая специфику религиозной и культурной жизни.

Степень разработанности темы. Большая часть исследований древнерусских произведений о богородичных иконах включает рассмотрение конкретного письменного памятника, его списков или вариантов повествования об одном выбранном чудотворном образе. Как правило, в них выделяются языковые, поэтические, художественные особенности произведений, определяется наиболее ранний список, история самой иконы и т.д. – в зависимости от задач, которые ставят перед собой ученые. Краткие публикации о подобных произведениях представлены в словаре книжников и книжности Древней Руси, появляются диссертационные исследования.

² Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // Вестник славянских культур. 2009. Т. XII. № 2. С. 60-61.

В отдельных случаях богородичные повести выступают историческим источником. На их основе прослеживается, например, процесс формирования почитания Пресвятой Девы на Руси, государственная и религиозная политика и т.д.

Наиболее важными для настоящей кандидатской диссертации выступили работы Л. И. Журовой, В. М. Кириллина, Е. Л. Конявской, Т. В. Нечаевой, А. Эббингхауса и др. Данные ученые не только рассматривали конкретные богородичные сказания, но и стремились выделить их основные жанровые признаки, выработать понятийно-терминологическую базу и др.

Цель исследования заключается в многоаспектном анализе богословского содержания избранных древнерусских сказаний о чудотворных иконах Божией Матери.

Поставленная цель определила ряд **задач**:

- критический анализ проблемы жанра древнерусских богородичных сказаний и определение понятийно-терминологического аппарата;
- обозначение принципов исследования древнерусских сказаний о богородичных иконах в междисциплинарном контексте – на стыке теологии, филологии и истории;
- характеристика особенностей выражения богословских идей через рассмотрение композиционного построения, непосредственно теологического компонента, изложения внешних чудес от икон Пресвятой Девы в повести о явлении и чудесах Казанской иконы Божией Матери и повести о явлении икон Богородицы на Синичьей горе;
- определение специфики духовно-нравственной проблематики, композиции, внешних чудес от икон в богородичных сказаниях, приближенных к жанру бытовой повести.

Объектом настоящего исследования выступили избранные древнерусские богородичные сказания, а **предметом** – способы выражения

богословских идей, сюжетно-композиционные особенности и своеобразие описания внешних чудес.

Основным **материалом** диссертации, как уже отмечалось, стали древнерусские произведения, посвященные иконам Божией Матери: Казанской, Святогорским, Колочской, Оковецкой и Выдропусской.

Помимо этого, привлечены и иные агиографические памятники Древней Руси: жития преподобных Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Стефана Махрицкого и др., а также сказания об иных иконах Божией Матери: Владимирской, Тихвинской и др.

Важными источниками кандидатского исследования также выступили Священное Писание и святоотеческое наследие: труды святителей Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Феофана Затворника и др. Обращение к данному материалу позволило обозначить богословскую проблематику изучаемых произведений и выделить общность с библейскими фрагментами.

Анализ церковнославянских текстов определил использование словарей исторического типа, а именно: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Большой словарь церковнославянского языка Нового времени» и др.

При рассмотрении же художественных приемов и образов привлекались словари «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий», «Словарь библейских образов», «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно дополняет существующие сведения о жанровой системе древнерусской литературы, прежде всего о богородичных сказаниях.

Теологический подход, реализуемый в диссертации, позволяет рассмотреть сказания как часть отечественной культуры в контексте православного богословия, выделить широкий спектр идей, заложенных автором в произведение, охарактеризовать богословские представления книжника, религиозную жизнь его современников. Это представляется

важным для определения жанровой специфики литературных памятников данной категории.

Практическая значимость диссертации такова: ее материалы могут использоваться при разработке теологических курсов (библейстики, истории Русской Православной Церкви, русской патрологии), курсов в рамках дисциплин филологического, исторического циклов – истории литературы Древней Руси, агиологии, агиографии, в организациях высшего и среднего образования, а также при подготовке изданий древнерусских агиографических произведений и комментариев к ним.

Научная новизна кандидатского исследования заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка системного междисциплинарного анализа богословского содержания древнерусских произведений о чудотворных образах Божией Матери.

Помимо этого, при рассмотрении сказаний о Колочской, Оковецкой и Выдропусской иконах Пресвятой Девы использовались варианты текстов, представленные в июльской Четвѣй-Минее иеромонаха Германа (Тулупова). Данный сборник до сих пор остается малоизученным, хотя в последнее время появляются работы, анализирующие отдельные произведения из его состава, но тексты обозначенных повествований не становились предметом специального рассмотрения.

Методы исследования таковы:

- описательно-аналитический – для характеристики композиционного построения и содержания богородичных сказаний;
- сравнительно-сопоставительный – для установления общих мест избранных произведений об иконах Божией Матери и соответствия или отличия от общей агиографической традиции;
- герменевтический – для выявления богословской тематики, истолкования идейного содержания богородичных сказаний и обнаружения авторского отношения к тем или иным событиям;

– системный – для определения использования авторами библейского текста и изложения видимых чудес от икон Богородицы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Религиозное содержание древнерусских сказаний о богородичных иконах, представляющих отдельный жанр, обуславливает обязательный учет богословской тематики.

2. Определение их теологического компонента требует рассмотрения трех аспектов: композиционного построения; непосредственно авторских размышлений на богословские и духовно-нравственные темы; изложения внешних чудес от святынь.

3. В повести о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы отдельные богословские положения преимущественно вводятся в текст за счет библейской интертекстуальности, выполняющей, с одной стороны, роль определения тематики, а с другой – выступающей в качестве аргументирования авторских тезисов. При этом общая содержательно-сюжетная тенденция изложения чудес от богородичного образа находится также в зависимости от Священного Писания.

4. Краткая редакция повести о явлении икон Богородицы на Синичьей горе соответствует библейскому тексту менее систематически, но богословские идеи в ней реализованы последовательно. При описании же внешних чудес от икон Пресвятой Девы преимущественно используются общие формулировки без какой-либо конкретизации.

5. Сказания о Колочской, Оковецкой и Выдропусской иконах, несмотря на свою близость к жанру бытовой повести, содержат теологические компоненты аскетического наследия Православной Церкви. В первом и третьем произведении наиболее наглядно представлен концепт чуда как духовного изменения человека.

Апробация результатов исследования. Материалы и результаты работы были представлены на обсуждениях в рамках 14 научных конференций и семинаров, в том числе: XIII студенческой научно-богословской

конференции (Санкт-Петербург, СПбДА, 17–18 мая 2021 года); Всероссийской научной конференции с международным участием «Лингвистическая лимнология» (Мытищи, МГОУ, 16 декабря 2021 года); XXII Международной конференции молодых ученых-филологов «Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых» (Москва, МПГУ, 12–15 октября 2022 года); научно-богословской конференции «Иларионовские чтения: Жизнь Церкви Христовой в прошлом, настоящем и будущем» (Москва, Сретенская духовная академия, 6 декабря 2023 года); Международной научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура. XXI Пасхальные чтения» (Москва, МПГУ, 22–23 мая 2024 года).

Структура работы. Кандидатская диссертация состоит из введения, трех глав с внутренней рубрикацией, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначаются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость выбранной темы, указываются материалы, теоретико-методологическая база, методы исследования, определяются его цель и задачи.

В **главе 1** «Жанр богородичных сказаний в древнерусской литературе» предлагается обзор существующих работ, посвященных древнерусским сказаниям о богородичных иконах, рассматривается понятийно-терминологический аппарат и определяется методология дальнейшего исследования.

Пункт 1.1 «Древнерусские богородичные сказания в научных исследованиях» посвящен рассмотрению основных трудов, в разной степени затрагивающих произведения о богородичных иконах. Все они разделены на условные категории: текстологическую, литературоведческую, историко-

мировоззренческую и общего характера (основные исследования были обозначены выше).

В пункте 1.2 «Богородичные сказания Древней Руси: к вопросу жанра» дается общая характеристика древнерусского литературного жанра богородичных сказаний, а также анализируется связанный с ними понятийно-терминологический аппарат.

Существенная проблема, сопряженная с изучением данной категории произведений, коренится в их многообразии, пересечении с иными жанрами.

Исследователи выделяют некоторые мотивы, типичные для повествований об иконах Божией Матери. Например, образ в таинственном сиянии является в воздухе («на воздухе»); икона располагается на дереве / горе / у реки; чудо сопровождается страхом со стороны свидетелей событий; нередко присутствует первоначальное неверие в чудо – в таком случае обязательно следуют дополнительные чудеса, побуждающие к вере местных жителей, и др.³

При этом данные общие места не являются обязательными. Многие из них скудно или вовсе не представлены в произведениях. Точно систематизировать, хотя и с некоторыми оговорками, ряд общих идей и иных жанровых признаков возможно лишь для каждой тематической группы сказаний в отдельности.

Основываясь на приведенных доводах, можно заключить: само понимание мотива богородичных сказаний как основания классификации данной жанровой группы является, скорее, условным. Главный же объединяющий принцип таких произведений – выбор тематики, на которой сосредотачивает свое внимание составитель произведения: «авторский акцент

³ Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // Вестник славянских культур. 2009. Т. XII. № 2. С. 64 ; Его же. Повесть о чудотворной Казанской иконе Богородицы в свете древнерусской литературной традиции // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 1. С. 159–171 ; Комова М. А. Типология сюжетов в преданиях об иконах города Карачаева и Карачаевского уезда // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 175–182 ; и др.

на сюжетное повествование, рассказ об иконах, ее явлениях, деяниях и чудесах»⁴.

Наиболее удачный, хотя и условный термин для определения изучаемой категории древнерусских произведений – «сказание». Его использовали В. М. Кириллин и Т. В. Нечаева. Их публикации и выступают основополагающими.

В. М. Кириллин, отдавая предпочтение данному термину, аргументирует выбор тем, что большинство древнерусских произведений, посвященных иконам Божией Матери, в своих заголовках именуется сказанием⁵.

Таким образом, ученый исходит из книжной традиции Древней Руси, руководствуясь тем, как воспринимает текст древнерусский агиограф.

Т. В. Нечаева же склоняется к термину «сказание», поскольку он несет в себе отголосок легендарности, особо развивавшейся вокруг того или иного события благодаря народной молве и устному творчеству⁶.

Данное суждение базируется на отождествлении сказаний с народными легендами, преданиями. Подобная номинация была особо распространена в советское время и нашла свое отражение в «Большой советской энциклопедии» и некоторых современных литературоведческих справочниках⁷.

При этом во времена Древней Руси рассматриваемое слово не наделялось такой семантикой. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.»

⁴ Нечаева Т. В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах // Герменевтика. 1995. Сб. 8. С. 103.

⁵ Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // Вестник славянских культур. 2009. Т. XII. № 2. С. 61.

⁶ Нечаева Т. В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах // Герменевтика. 1995. Сб. 8. С. 103.

⁷ Большая Советская энциклопедия. Т. 24. М. : Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1953. С. 406 ; Там же. Т. 39. М. : Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1956. С. 197 ; Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 107–108.

приводятся следующие его значения: «рассказ, повествование, указание, толкование, учение» и др.⁸.

Безусловно, за годы устного бытования сказание обрастало дополнениями и уточнениями, выполняющими усилительную функцию, но не воспринималось первоначально как исключительный вымысел.

Несмотря на это, использование по отношению к письменным памятникам термина «сказание» в качестве синонима «легенда», то есть в том смысле, что в них имеются черты легендарности, вымысла, не совсем правильно. Скорее нужно исходить из представлений древнерусских книжников, веровавших в реальность изложенных ими событий, а следовательно, вкладывавших в слово «сказание» значение повествования, рассказа, а не истории с вымышленными элементами.

Отсюда следует вывод: изучение содержательной стороны агиографических памятников подразумевает филологическую, историческую и теологическую оценки. Игнорирование последней может повлечь за собой неполноту комментария, что наглядно проявляется при разработке понятийного аппарата.

Пункт 1.3 «Древнерусские богородичные сказания: междисциплинарный контекст» выступает логическим продолжением предшествующих и позволяет выработать принципы дальнейшего исследования. Под междисциплинарностью понимаются три аспекта: филологический, исторический и теологический.

Для первого предлагаются общие краткие пояснения, поскольку он вызывает наименьшее число вопросов и в той или иной степени был охарактеризован выше.

Исторический аспект подразумевает изучение сказаний о богородичных иконах, как и иных агиографических произведений, в качестве исторического

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М. : Наука, 2000. С. 163–164.

источника. Это позволяет представить характеристику времени, выделить темы, наиболее волнующие людей той или иной эпохи, и мн. др.

Но наибольшее внимание уделяется третьему – теологическому – аспекту. Для этого рассматривается место библейской интертекстуальности в агиографических произведениях Древней Руси и концепта чуда в сказаниях о богородичных иконах.

При разборе литературного памятника необходимо учитывать религиозные представления, традиции и предпочтения, типичные для конкретного периода, а также нравственное православное богословие, которое нередко в сжатом виде стремились раскрыть в своих творениях древнерусские книжники.

Исходя из этого, определяется принцип дальнейшего исследования, а именно рассмотрение следующих характеристик:

1. Композиционное построение литературного памятника, что позволяет обозначить основные жанровые элементы и развитие сюжета произведения.

2. Теологические идеи, прежде всего из области православной аскетики, присутствующие в повествовании, что подразумевает в том числе и выявление гимнографических, библейских мест в тексте, обладающих зачастую яркой смысловой нагрузкой.

3. Чудеса от богородичных икон, описанные в произведении, которые отображают мировоззрение людей эпохи.

Это представляется наиболее эффективным путем для выявления религиозного, культурного разнообразия, специфики церковной жизни русского народа в сказаниях о чудотворных иконах Божией Матери Древней Руси и непосредственно богословских идей, затронутых агиографами.

В главе 2 «Богословская тематика древнерусских богородичных сказаний о явлении икон» рассматриваются два текста – повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Божией Матери и повесть о явлении икон Богородицы на Синичьей горе. Оба произведения принадлежат к группе богородичных сказаний – о явлении икон Пресвятой Девы.

Пункт 2.1 «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы» включает три подпункта.

В подпункте **2.1.1** «Особенности композиционного построения» рассматривается композиция повести, включающая три традиционные части: вступительную, основную и заключительную.

Вступление довольно пространное и является авторским монологом, обращенным к Богу и самому себе. Главная идея данного раздела – желание автора понять, нужно ли ему приступить к написанию произведения или нет.

Здесь наблюдается ряд топосов: разъяснение причин составления текста; самоуничижение, констатация невозможности самостоятельного написания произведения, возложение упования на Бога; указание на источник сказания; нравственное толкование произошедшего; молитва к Богу и Пресвятой Деве, испрашивающая благословение на труд; восхваление Творца и Божией Матери.

Обозначенные темы представлены непоследовательно, поскольку они взаимосвязаны и дополняют друг друга. Основными выступают разъяснение причин составления текста; самоуничижение, констатация невозможности самостоятельного написания произведения, возложение упования на Бога; молитва к Богу и Пресвятой Деве, испрашивающая благословение на труд.

Центральную часть произведения можно изложить схематично: 1) официальные сведения; 2) описание пожара и последовавшие краткие испытания для православных; 3) явления Божией Матери Матрене и первоначальное неверие народа; 4) обретение образа; 5) чудеса от иконы.

Заключительная часть повести о явлении Казанской иконы, подобно вступительной, пространная и освещает две темы.

Прежде всего это констатация продолжающихся чудес с очередным разъяснением причин составления текста. Помимо этого, здесь содержится указание на почитание данного богородичного образа царем Феодором и его повеление основать храм на месте обретения святыни.

Завершается же произведение прославлением Творца и Божией Матери.

В подпункте 2.1.2 «Богословские идеи повести» определяются основные идеи из области православного богословия, которые стремился отобразить в создаваемом тексте автор. Наиболее развернутыми можно назвать размышления составителя произведения об осмыслении значения для верующих страданий, их причин и результативности сквозь призму православного богословия.

В первую очередь рассматриваются библейские фрагменты, представленные в произведении, поскольку благодаря им агиограф вводит в повествование отдельные богословские идеи.

Автор представляет вниманию читателя в полной мере типичную для святоотеческого наследия картину: в испытании усматривается исключительное действие Всевышнего, желающего исправления и совершенствования верующих. Даже страшное наказание митрополит Гермоген вслед за библейскими авторами толкует как проявление отеческой милости и любви. Их наивысшей точкой выступает радость, сменяющая скорбь, – явление иконы Божией Матери и следующие за этим событием чудеса.

Проделанный анализ позволяет классифицировать библейские цитаты и аллюзии, присутствующие в сказании о явлении Казанской иконы Божией Матери, при выделении их основных функций:

1. Иллюстрирование авторского недостойства и неспособности самостоятельной фиксации истории о посещении Христом и Его Матерью жителей Казани, с одной стороны; объяснение причины составления – с другой (Пс. 37: 5 и Мф. 25: 24–30 соответственно).

2. Введение в текст повести отдельных богословских положений.

- 2.1. Сотериологических: изложение православного учения о совершении Христом через Пресвятую Деву дела спасения человеческого рода (Быт. 3: 16–19; Быт. 28: 12 и Быт. 32: 24–30; Пс. 44: 11; Лк. 15: 8–10).

Сюда же можно отнести общие формулировки, указывающие на то, что Божия Матерь воспевалась многими пророками.

2.2. Аскетических: осмысление значения страданий и наказаний для христианина (Пс. 31: 9–10; Пс. 88: 31–34; 2 Кор. 1: 3–4 и Еф. 1: 3; Евр. 12: 6, 8).

3. Обозначение причинно-следственной связи произошедших в Казани событий; по смысловой нагрузке находится в тесной связи с аскетическими аспектами – осмыслением значения страданий и наказаний для христианина (Пс. 62: 12; Пс. 78: 10).

4. Уподобление библейскому тексту (Мк. 3: 5).

Важно отметить: во многих местах составитель повести указывает авторство используемых библейских слов. При цитировании или парафразе Псалтири это происходит за счет упоминания пророка Давида или использования лексемы «псалом» («глаголя», «реченное пророком Давидом», «во ином псалмѣ глаголетъ»). В случае же новозаветных посланий налицо лексемы «апостоль» и словосочетания «вселенная учителя» без конкретизации имени и наименования послания.

Большая часть отсылок (восемь) связана с Ветхим Заветом, шесть из них – с Псалтирью. Последнее типично для многих жанров древнерусской литературы. Это объясняется ежедневным чтением данной библейской книги за православным богослужением.

Новозаветные отрывки в отчетливой форме прослеживаются лишь пять раз (2 Кор. 1: 3–4 и Еф. 1: 3 объединены, поскольку в повести представлены в виде синтеза).

Подпункт 2.1.3 «Внешние чудеса от иконы» посвящен рассмотрению чудес, которые упоминаются в произведении.

16 чудес, выделенных в повествовании особо, можно классифицировать по композиционному построению и реализуемым мотивам:

1. Наиболее типичная схема для данной повести. Она наблюдается в восьми эпизодах (чудеса 2–5, 8, 11, 14, 16):

1) констатация болезни (уточнения о ее течении различны, автор может ограничиваться лишь обозначением недуга – чудеса 2–5);

2) молитва болящего к Божией Матери перед иконой (в трех случаях на расстоянии – чудеса 8, 14 и 16);

3) исцеление страждущего – как правило, моментальное (чудеса 2–5, 11, 16);

4) благодарение объектом чуда Бога и Пресвятой Девы (в отдельных фрагментах добавляется прославление со стороны очевидцев – чудеса 4, 14).

Если чудо совершается на расстоянии, присутствует указание на последующее благодарение перед богородичным образом (см. чудеса 8, 14 и 16).

2. Следующая композиционная схема построения лежит в основе трех двухфазовых исцелений (чудеса 7, 10 и 12):

1) констатация болезни болящего (как и в первом варианте, с разной степенью детализации: чудеса 7 и 12 содержат больше подробностей, 10-е – краткие уточнения);

2) первый этап исцеления – на расстоянии по молитвам страждущего. Агиограф, как правило, использует слова, конструкции, подразумевающие частичность выздоровления, то есть некоторое ослабление болезни: «мало легчайши от болѣзни»; «бысть... облегчение» и др.;

3) паломничество к чудотворной иконе и молитва перед ней;

4) второй этап исцеления – полное избавление от недуга («до конца получи здравие», «совершенно исцеление» и др.);

5) благодарение Бога и Пресвятой Девы (в одном отрывке используется множественное число).

К этой группе изложения в целом можно отнести и 15-е чудо, но с оговоркой: оба этапа происходят непосредственно перед образом Божией Матери.

3. Построение двух чудес – 9-го и 13-го, в которых помощь страждущему подается не сразу:

1) констатация болезни болящего;

2) первоначальное молитвенное обращение к Божией Матери, но отсутствие помощи;

3) видение, в котором говорится, что необходимо сделать для получения исцеления;

4) исполнение таинственного повеления;

5) исцеление болящего;

6) благодарение Бога и Пресвятой Девы (в 13-м чуде – множественное число).

4. Абсолютно иным по своему содержанию и построению представляется 6-е чудо:

1) видение Божией Матери женщине с повелением отправиться вместе с мужем на поклонение иконе;

2) непослушание со стороны женщины;

3) второе видение и наказание за непослушание – болезнь;

4) молитва перед иконой, то есть выполнение первого видения;

5) исцеление;

6) благодарение объектом чуда Бога и Пресвятой Девы.

Приведенная систематизация свидетельствует о преимущественной сдержанности агиографа при описании видимых чудес от Казанского образа Богородицы. Наиболее наглядно это демонстрируется в подавляющем отсутствии тропологического толкования болезни.

Объяснение причин недуга имеется лишь в трех фрагментах, ввиду чего не выделяется в схемах как отдельный этап. И только одну из причин можно классифицировать в качестве духовной, в остальных случаях это описание внешнего начала заболевания. Расположение таких уточнений различно: в начале и конце повествования (перед или после благодарения о получении исцеления).

Несмотря на некоторые отличия, все фрагменты характеризуются духовно-нравственной проблематикой, особо остро волновавшей автора. Единственным критерием для получения исцеления выступает вера. И хотя

степень ее внешнего проявления в каждом из отрывков варьируется, она всегда подразумевается автором.

Важным же результатом чуда можно назвать последующее благодарение людей. Используемые лексемы в финальной части каждого отрывка «радуясь», «хваля», «славя» и др. представляются абсолютно синонимичными присутствующей лексеме «благодаря». Неслучайно библейская радость связывается с исполнением заповедей и поклонением Богу.

Отдельные фрагменты содержательно или структурно пересекаются с евангельскими отрывками.

Пункт 2.2 «Повесть о явлении икон Богородицы на Синичьей горе» включает два подпункта. Видимые чудеса от богородичных икон не рассматриваются отдельно, так как довольно скупо представлены в данном варианте произведения.

Подпункт 2.2.1 «Общие сведения и особенности композиционного построения» предлагает характеристику произведения и определяет его структуру.

В предисловии, как и на протяжении всего текста, отсутствует авторская вовлеченность и участие в повествовании, реализуемые за счет форм 1-го лица и мотивов, связанных с самоуничижением.

Основная часть включает в себя несколько тематических блоков: 1) общая характеристика ранних лет главного героя; 2) видение и явление ему иконы Божией Матери; 3) последующее течение жизни героя; 4) возвращение через шесть лет на место явления образа, согласно полученному тогда повелению, и последующие события.

В свою очередь, их можно объединить в две группы: 1) жизнь Тимофея; 2) события, связанные с явлением чудотворных богородичных икон. Здесь реализуются мотивы, принятые для житий преподобных и юродивых.

Заключение, как и вступление, довольно краткое. Автор указывает на разрастающуюся славу о святине по всем русским городам, продолжающихся чудесах и завершает типичной формулой, прославляющей Бога.

В подпункте 2.2.2 «Богословские идеи повести» поэтапно рассматривается содержание произведения с выделением богословской проблематики.

За счет реализации мотивов житий юродивых и преподобных создается образ человека, демонстрирующего окружающим пример беспрекословного следования евангельским заповедям. Главным его путеводителем с определенного момента выступает Божия Матерь через Свои иконы. Именно чудотворения от последних обнаруживают для окружающих святость главного героя, считавшегося до этого сумасшедшим.

В тексте в нескольких значениях реализуется лингвоконцепт благодати, а также прослеживается общесюжетная и содержательная однотипность отдельных фрагментов с библейским повествованием (например, обращением апостола Павла, Моисеем) и аллегорическим образом – восхождением на гору, типичным для христианской письменности и берущим свое начало в Священном Писании.

Анализ произведения позволяет говорить о наличии нередких тематических и идейных пересечений с библейским текстом.

«Свѣтъ великъ, паче солнца сияюще... онъ (Тимофей. – П. С.) же ужасень бывъ от страха и паде на земли... Господи Иусе Христе, молитвами Пречистыя твоя Матере помилуй мя... О, Тимофее, поиди на Синичию гору, тамо узриши благодать Господа Бога, Творца небеси и земли, и вся яже в них Содѣтеля, и Создателя всему миру, и Благодателя всякому дыханию».

Представляется возможным провести параллель с обращением Савла (апостола Павла): «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос» (Деян. 9: 3–4).

Случившееся у будущего апостола видение на пути в Дамаск выстраивается в такой последовательности: сияние света →

сверхъестественный голос → недоумение и вопрошание. См.: «Что повелеваешь мне делать?» (Деян. 9: 6) → ответ с небес: «Встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать» (Деян. 9: 6).

Та же схема заложена в видении Тимофея: сияние → удивление → вопрос, адресованный к вышним силам, представлен в виде молитвословия → моментальный ответ с указанием на дальнейшие действия, подразумевающие движение.

Важная черта обоих текстов может быть описана так: готовность тайнозрителей принять услышанное и, как следствие, последующее соприкосновение с Богом. У Савла это происходит через Крещение и принятие Святого Духа («Анания... вошел в дом и, возложив на него (Савла. – П. С.) руки, сказал... Господь Иисус... послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа. И... он (Савл. – П. С.) встав, крестился» (Деян. 9: 17–19), у Тимофея – через мистическое действие Всевышнего («узриши благодать Господа Бога» – благодать, имеющая несколько значений, в данном контексте называет милость со стороны Творца⁹).

Помимо этого, неслучаен и выбор локации, куда герою произведения велено отправиться. Гора в Священном Писании представляется сакральным местом, где происходят важные библейские моменты и общение людей с Творцом.

«О, Тимофее, от сего времени по шьсти лѣтехъ... иди на Синичию гору и обрящеши благодать велию. Ты же буди отнынѣ реченнаго времени в терпѣнии блазѣ, благодать моя да будетъ с тобою», – говорит голос от иконы.

Последняя фаза видения затрагивает важную тему православного аскетического богословия, а именно невозможность прохождения жизненного пути христианином без страданий. Их перенесение базируется на принципе соработничества человека с Богом: стойкость и готовность первого сочетается с постоянной помощью небес. В этом прослеживается идейное пересечение с

⁹ Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. I. М. : Словари XXI века, 2016. С. 230.

повестью о явлении Казанской иконы, где широко представлено авторское осмысление испытаний и дальнейшей награды.

Главному герою повествования дается обетование, по построению идентичное библейскому. С одной стороны, ему обещается получение еще большей Божественной благодати; с другой – выдвигается требование прийти на это же место через шесть лет и предсказываются грядущие испытания.

Глава 3 «Богословские идеи близких к бытовой повести богородичных сказаний» посвящена рассмотрению повествований об иконах Божией Матери, близких к жанру бытовой повести.

В **пункте 3.1** «Сказания о Колочской, Оковецкой и Выдропусской иконах: общие сведения» рассматриваются существующие исследования по данным произведениям. Здесь это делается более подробно, чем в предшествующей главе, поскольку в качестве источника выступает малоизученная рукопись.

В **пункте 3.2** «Особенности композиционного построения текста» анализируется структура сказаний. Композиционное построение Колочского и Выдропусского сказаний базируется на распространенной агиографической схеме: грех – наказание – спасение.

Рассматриваемые богородичные сказания, близкие к жанру бытовой повести, по своему композиционному построению отличаются от остальных произведений, посвященных чудотворным иконам Божией Матери.

Наблюдается большая зависимость от агиографической традиции. Это свидетельствует о конкретном понимании авторами своих текстов. Несмотря на смещение внимания со сверхъестественного на обыденность, обращение к духовно-нравственной и повседневной проблемам, замысел данных повестей носит исключительно религиозный характер, о чем свидетельствуют и их названия, и композиционная структура.

Пункт 3.3 «Духовно-нравственная проблематика» описывает богословские идеи, которые наиболее ярко представлены в сказаниях о Колочской и Выдропусской иконах Божией Матери. Богородичная икона

выступает в них в качестве вспомогательной, сподвигающей к духовному исправлению силы.

Это позволяет авторам реализовать в текстах такие темы аскетического богословия, как развитие греха, поэтапность покаянного процесса и соработничество человека с Богом.

Наглядно это можно продемонстрировать на примере композиционного параллелизма – через противопоставление идейных элементов.

А: Кража иконы в храме вмч. Георгия в Выдропусске.

В: Путь боярина из Выдропусска в свои муромские владения.

С: Пение канона и молебна, во время которого он называет икону своей пленницей в храме святителя Николая Чудотворца.

Д: Таинственное исчезновение икон.

С': Молитвенные сокрушения о том, что называл икону пленницей в храме святителя Николая Чудотворца.

В': Покаянный путь боярина из своих муромских владений в Выдропусск.

А': Полное раскаяние персонажа и получение прощения в храме вмч. Георгия в Выдропусске.

Предложенная схема наглядно показывает антонимический характер имеющихся параллелизмов. Линия развития сюжета проходит сначала сверху вниз, а затем вновь идет вверх: совершение греховного деяния влечет за собой более тяжкие преступления и падения, за которыми следует постепенное раскаяние, то есть восхождение.

Согласование идейных элементов базируется на однотипности внешних факторов. Конкретные действия совершаются в одной и той же локации, хотя их значение абсолютно противоположно: местом грехопадения и исцеления становится выдропусский храм вмч. Георгия. Если в начале произведения боярин возвращается домой победителем с трофеем после успешного похода, то шествие после осознания своей неправоты носит сугубо покаянный характер и сам герой выступает в качестве осужденного; кощунственным же

выражениям во время пения молебна противопоставляется молитвенный плач на том же месте.

А – А': грех в Выдропусске → исцеление в Выдропусске.

В – В': победоносный путь из Выдропусска в Муром → покаянный путь из Мурома в Выдропусск.

С – С': молитва со злословием у чудотворного образа в муромском храме → покаянная молитва, сокрушение о злословии у чудотворного образа в муромском храме.

Благодаря данной систематизации очевидно: в центре произведения, несмотря на то, что главный предмет повествования – история о войне, находится непосредственно чудотворный образ Пресвятой Девы. Именно его исчезновение выступает переломным моментом, когда сюжетная линия вновь начинает двигаться по возрастанию.

Сказание об Оковецкой иконе предлагает более объемную характеристику специфики религиозной жизни времени, когда оно было создано. Прежде всего это касается богослужебного почитания святыни.

В пункте 3.4 «Внешние чудеса от икон» рассматриваются чудеса, представленные во всех трех сказаниях, в первую очередь об Оковецкой иконе.

В нем выделяются четыре жанрово-тематические группы чудес от богородичной иконы и Животворящего Креста: исцеление от недугов; наказание за проступок; знамения об особой милости Божией; видения – упоминание, что они имели место, но без конкретизации.

Пространнее излагаются чудеса, проявляющие Божественную милость и подчеркивающие чудодейственность обретенных святынь. В двух случаях из шести они сопряжены с исцелением, но последнее отходит на второй план. Это, как и отнесение их в самостоятельный раздел, можно объяснить важностью для агиографа проявления духовной силы святынь через внешние знамения.

Принципиальным моментом становится и то, что для реализации всех описанных исцелений требуется вера больного или тех, кто его принес.

Следовательно, избавление от болезней выступает всего лишь как внешнее проявление Божественной милости и ответ Господа на молитвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненный анализ позволяет говорить о наличии в рассмотренных литературных памятниках ряда богословских идей, связанных преимущественно с православной аскетикой. Нередко именно они определяют построение произведения и развитие сюжетных линий.

Проделанное исследование обнаруживает наиболее частотные, важные темы из области православного богословия, к которым обращались составители произведений: осмысление Божественного попечения (постоянная забота Творца о человеке и помещение последнего в обстоятельства, сподвигающие к духовному развитию); осознание греха, препятствующего приближению к Спасителю; восприятие чудес и явлений икон Божией Матери в качестве сотериологических факторов. Очевидно, перечисленные проблемы были актуальны и волновали русский народ того времени.

Изучение сказаний о чудотворных образах Пресвятой Девы XVI–XVII вв. позволяет, помимо филологических элементов, выделить характеристики религиозной жизни русского народа, с которыми в неразрывной связи находится культурная, философская и мировоззренческая специфика.

Происходящие в государстве политические события и культурные процессы самым прямым образом влияли на литературную традицию эпохи, определяя тему, акценты и основных героев повествования. Наиболее наглядно это прослеживается в сказаниях, граничащих с жанром бытовой повести.

Можно с уверенностью констатировать: в настоящее время продолжает требоваться исследование, в котором в системном виде были бы изложены общие характеристики древнерусских богородичных сказаний, обозначены наиболее интересные для агиографов темы, затронутые в них, и проанализированы жанровые признаки, традиционные для каждой тематической группы сказаний. Этим определяется перспектива дальнейшего изучения данной категории произведений.

Для полноты комментария, помимо исторического, политического и идеологического контекстов, необходимо учитывать православное богословие, которое долгое время определяло самосознание и мировосприятие русского народа.

**СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ
ДИССЕРТАЦИИ**

**Статьи в журналах, включенных в перечень рецензируемых
научных изданий ВАК**

1. Садыков П. Д. Библейский текст в «Повести о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы» // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2024. – Вып. 2 (31). – С. 141–160.
2. Садыков П. Д. Чудо в древнерусских богородичных сказаниях сквозь призму их духовного содержания // Христианское чтение. – 2024. – № 1. – С. 255–262.
3. Садыков П. Д. Древнерусские богородичные сказания: основные проблемы жанрово-тематической и композиционной идентификации // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2024. – № 1 (26). – С. 210–224.
4. Садыков П. Д. Древнерусские богородичные сказания как исторический источник // Христианское чтение. – 2023. – № 1. – С. 155–162.
5. Садыков П. Д. Цитирование Священного Писания в агиографических произведениях (на примере жития преп. Стефана Махрицкого) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – № 5. – С. 90–97.
6. Садыков П. Д. Языковые особенности повести о Выдропусской иконе Божией Матери // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, вып. 3. – С. 267–272.

Статьи в других рецензируемых изданиях

7. Садыков П. Д. Особенности построения агиографических произведений // Церковь. Богословие. История. – 2022. – № 3. – С. 514–521.

8. Садыков П. Д. Особенности древнерусских богородичных сказаний // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал. – 2021. – С. 115–117.